

Темушев, В. Н. Проблемы интерпретации источников при изучении географии средневекового государства (на примере Московского княжества конца XIII — первой половины XIV в.)// Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. Вып. 3 / рэдкал. : У. Н. Сідарцоў, С. М. Ходзін (адк. рэдактары) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2007. — С. 185–194.

В. Н. Темушев

**ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ГЕОГРАФИИ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОСУДАРСТВА
(на примере Московского княжества
конца XIII — первой половины XIV в.)**

Историческая география и, в частности, ее раздел политическая география — одна из незаслуженно обойденных в исторической науке дисциплин. Выяснение динамики территориальных изменений в составе государственных образований прошлого, конкретизация пространственного размещения древних княжеств и земель, определение границ территорий позволяют по-новому, с большей долей объективности взглянуть на политические и социально-экономические процессы, проходившие в изучаемых регионах.

Связь географического положения с политическими тенденциями, вознесшими во главу русских земель Москву, несомненна. Из маленького, зажатога между сильными соседями княжества, во многом благодаря неудовлетворенности своими территориальными пределами, Москва развилась и выросла в сильнейшее государство Восточной Европы. С другой стороны, именно случайное удобство расположения Московского княжества позволило ему нарастить экономическую мощь, необходимую для борьбы за верховенство в Северо-Восточной Руси.

Вдруг появившееся в 70-х гг. XIII в. на периферии Владимиро-Суздальской земли Московское княжество за первые 60—70 лет своего существования фактически не оставило о себе никаких сведений в источниках. Мы ничего не можем сказать о его территории и вынуждены использовать дво-

якого рода сведения, подходя к определению изначальной пространственной протяженности княжества с двух сторон. Во-первых, приблизительная территория первоначального Московского княжества выявляется с помощью источников, описывающих пограничные районы московских соседей — Рязанского, Черниговского, Смоленского княжеств, Новгородской земли. Намеченную для середины XII—XIII вв. область распространения юго-западных ростово-суздальских земель мы можем сравнить с территорией, выявляемой по источникам, появляющимся с середины XIV в. Изучая уже непосредственно московскую территорию по данным XIV—XVII вв., мы подходим к определению пределов Московского княжества конца XIII — первой половины XIV в. с другой стороны. Первый и второй пути исследования дополняют друг друга и, в общем, создают довольно точное представление о пределах Московского княжества того времени, о котором практически не сохранилось никакой информации.

Интересующие нас сведения содержатся в двух неравнозначных группах источников: письменных и вещественных.

Среди вещественных источников на первый план выходят археологические памятники. Несомненно, они имеют большое значение для изучения территории расселения восточнославянских племен и процесса складывания первых государственных образований в Северо-Восточной Руси, однако при обращении к периоду формирования и развития Московского княжества (конец XIII — первая половина XIV в.) археологические данные играют вспомогательную роль.

Археологические данные, определяя типологию найденных поселений, выявляют структуру административно-территориальных единиц Московского княжества, позволяют выделить их центры, наметить приблизительную территорию. Но возможности археологии при определении междукняжеских границ и даже локализации упоминающихся в письменных источниках населенных пунктов крайне ограничены. Как правило, большинство найденных поселений выступают анонимно. Они получают названия при сопоставлении со сведениями письменных

источников. Полной уверенности в правильности таких сопоставлений нет. Только определив название какого-либо населенного пункта, мы можем отнести его к той или иной территории, руководствуясь опять-таки данными письменных источников. Но не всегда последние обладают достаточным объемом информации.

Определенное значение археологические данные приобретают при обработке письменных источников, далеко отстоящих от времени начального периода существования Московского княжества. Населенные пункты, впер-

вые упоминаемые в конце XIV—XVII вв., оказываются существовавшими и в более раннее время, что позволяет с большей точностью определить территориальный состав московских земель для того времени, когда сведения письменных источников крайне малочисленны.

Более значительными при изучении территории Московского княжества конца XIII — первой половины XIV в. являются письменные источники. Они разбиваются на две, также неравнозначные, группы: нарративные (летописи, жития святых и т. д.) и делопроизводственные (актовые материалы, писцовые книги и т. д.) источники.

Сравнительно позднее появление московского летописания и отсутствие в летописях других русских политических центров интереса к юго-западной окраине Владимиро-Суздальской земли лишает нас сведений о территории Московского княжества в начальный период его существования.

Необходимо собирать данные о сопредельных с Москвой княжествах и их границах, относящихся к XII—XIII вв. Летописание Переяславля Русского, Киева, Новгорода, Рязани, Владимира, Ростова, Переяславля Залесского позволяет лишь с внешней стороны взглянуть на пространственную протяженность юго-западной окраины Владимиро-Суздальской земли. Но в итоге мы зафиксируем возможную область распространения юго-западных земель Владимиро-Суздальского княжества, которые и стали основой будущего Московского княжества. Северо-восточная граница первоначального Московского княжества при таком пути исследования останется невыясненной. Это граница Москвы с Переяславлем и Владимиром.

Ввиду практически полного отсутствия актовых источников (за исключением Уставной грамоты князя Ростислава Смоленского 1236 г., определяющей территорию Смоленского княжества¹, и жалованной грамоты великого князя Олега Ивановича Ольгову монастырю около 1372 г., фиксирующей некоторые районы Рязанского княжества первой половины XIII в.²), основную роль в первом пути исследования играют летописи.

Пользоваться данными, обнаруживаемыми в летописях, необходимо с большой осторожностью. Нужно стремиться к тщательной проработке всех доступных источников, чтобы, исходя из достоверных сведений, создать правильное представление о территориальном устройстве северо-восточных русских земель в XII—XIV вв.³ Как правило, извлекаемая из летописей информация, относящаяся прежде всего к XII—XIII вв., находится в летописных сводах, составленных в XV—XVI вв. Географические представления сводчиков летописей со временем изменялись, а иногда и искажались сознательно. Общая политическая тенденциозность летописного свода захваты-

вала и географические сведения. К примеру, данные Никоновской летописи, относящиеся к середине XII в., создают фантастическую картину огромных пространств Рязанского княжества, с включением городов Ельца, Мценска, Тулы и Тешилова⁴. Как выясняется, эти города не только не принадлежали Рязани, но некоторые (Тула, Тешилов) и вовсе не существовали в XII в.⁵ Политические пристрастия составителя свода выразились в стремлении увеличить территорию, находившуюся якобы издревле под рязанской властью.

Составители летописей были довольно скупы на подачу географических данных. Они, очевидно, исходили из представления об определенной осведомленности читателя и фиксировали лишь места сражений, маршруты походов с перечислением пересекаемых рек, встречаемых лесов, озер и поселений. По прозвищам князей, ареалу их деятельности, фиксированию принадлежащих им населенных пунктов можно выявить приблизительные пределы владений, однако ни точных границ, ни динамики территориальных изменений уловить не удастся. Иногда при описании

военных действий даются сведения о «порубежных местах» того или иного княжества, но из этого мы можем сделать лишь один вывод: о наличии границ между княжествами, сами же эти границы реконструировать невозможно.

Таким образом, изучение летописей необходимо лишь на первом этапе исследовательской работы. В дальнейшем летописи приобретают вспомогательное значение, предоставляя даты о территориальных приобретениях московских князей, сведения об осуществленных договорах с соседями, разделах владений между наследниками и т. д., не раскрывая в подробностях ни масштаба приобретений, ни областей разделенных сфер влияния, ни границ розданных земель. Еще более редки в летописях сведения о территориальной структуре Московского княжества. Упоминаются окружающие Москву «села и волости», но, по подсчетам В. А. Кучкина, до 80-х гг. XIV в. встречаются названия лишь трех московских волостей⁶, в то время как в духовных и договорных грамотах московских князей упоминается более 70 волостей⁷.

Второй путь исследования позволяет, исходя из более поздних данных, составить картину прошлого. Летописные источники, касающиеся определения территории Московского княжества, при этом все также скудны, однако нужда в них вовсе пропадает, так как появляется множество актового материала (духовные и договорные грамоты московских князей, межевые грамоты, акты монастырей и частных лиц и т. д.).

Из числа других нарративных источников некоторое внимание привлекают агиографические сочинения. Большинство житий написано в период,

далеко отстоящий от интересующего нас времени и от жизни конкретного святого. Кроме того, лишь немногие святые затрагивали в своей деятельности территорию Московской земли. Определенным исключением в этом плане выглядит Житие Сергия Радонежского, предоставляющее оригинальнейшие сведения о колонизации глухого Радонежского края и распространении московской власти на окраины княжества в 30-е гг. XIV в.⁸

Итак, необходимо вернуться к рассмотрению делопроизводственных источников, важнейшими из которых являются акты.

Необходимо отметить тот факт, что большинство существующих актов, касающихся Северо-Восточной Руси, до первой четверти XVI в. включительно, к настоящему времени опубликованы. Начиная от бессистемных сборников XIX в. и заканчивая академическими изданиями прошлого века охвачены акты монастырей, великокняжеские архивы и частные документы по московским уездам. Теперь, когда в руках исследователя находится большинство сохранившихся документов, историческая география средневековой Руси может выйти на качественно более высокий уровень.

Что касается непосредственно территории ядра Российского государства — древнего Московского княжества — то из всего массива опубликованных актов к его территории относится небольшая часть. Сравнительно хорошо освещена лишь деятельность монастырей (Троице-Сергиев, Саввин-Сторожевский, Чудов и др.), церквей и митрополичьего дома, чьи владения находились поблизости от Москвы, что объясняется хорошей сохранностью монастырских, церковных и митрополичьего архивов. В то же время большая часть московского великокняжеского архива исчезла или была уничтожена, а крупных собраний частных актов, естественно, не существовало. В итоге, по актам мы можем подробно исследовать только отдельные районы Московского княжества, где деятельность духовных феодалов была особенно активной (север и северо-восток Московского княжества и некоторые другие местности). Почти лишенными актового материала оказываются центральные, восточные и отчасти южные районы края.

Количество актов XIV в. невелико — около 150⁹, поэтому необходимо привлекать более поздние документы (XV—XVII вв.), сведения которых часто не соответствуют реалиям конца XIII — первой половины XIV в.

Большинство административно-территориальных единиц Северо-Восточной Руси сохраняли свои пределы на протяжении довольно длительного времени, а изменения в них, как правило, отражались источниками. Границы многих уездов Московского государства более позднего времени очень часто фиксировали древние границы ранее существовавших княжеств, уде-

лов, земель. Поэтому, чтобы обозначить границы и земельные пределы какой-либо области, необходимо обращаться к источникам более позднего периода.

При этом нужно достаточно осторожно пользоваться указанным ретроспективным методом, так как он не учитывает демографический и колонизационный факторы. С течением времени увеличивалось количество населения, осваивались новые, пустовавшие до той поры земли, расширялись территории волостей, станов, появлялись новые территориальные единицы. С другой стороны, известные нам акты фиксируют состояние России после пережитых достаточно трудных для населения времен. Поэтому нередки случаи сокращения освоенных земель, появления пустошей на месте деревень и сел. Так, акты XVII в. не могут дать сведений о пределах многих земель, запустевших после Смутного времени начала столетия¹⁰. Ю. В. Готье затруднялся определить для XVII в. местонахождение таких можайских станов, как Ворский, Старковский, Ренинский, Тарусицкий, Тешинев и Загорье, Зубатый и др., так как в них почти не фиксировались населенные пункты. Территории волостей оставались, но проявить их было затруднительно. Видимо, поэтому часть станов историк отметил не на своих местах¹¹, известных по актам более раннего времени.

Основным актовым источником являются духовные и договорные грамоты московских князей¹², которые точно определяют территориальную структуру Московского княжества, отмечая в его составе уделы, волости (с XVI в. и станы) и села. В духовных грамотах московских князей (всего их 25), как правило, не говорится о границах московских владений¹³. Целью составления духовных грамот-завещаний было распределение владений между представителями московского княжеского дома.

Другое значение имели договорные грамоты, определявшие отношения великих князей московских с удельными московскими князьями и правителями соседних государств. Здесь мы находим данные об изменении территориального состава Московского княжества и его уделов, узнаем о динамике московских границ.

Сохранившиеся разъездные (межевые) и отводные грамоты (великокняжеские и частные)¹⁴ намечают участки границы между московскими уделами, уездами и волостями (станами) и с учетом ретроспективного метода фактически позволяют определить на довольно больших пространствах первоначальные московские границы.

Меновные, купчие, данные, жалованные, послушные и др. грамоты уточняют местоположение отдельных владений, их сведения в совокупности

складываются в достаточно подробную картину территориальной организации Московского государства.

Еще более полную информацию дают писцовые книги XVI—XVII вв. и их производные — сотные выписи, приправочные книги, платежницы, а также близкие к писцовым дозорные и переписные книги XVII в.¹⁵ Писцы производили сплошные описания назначенных для них территорий, причем, во избежание ошибок, указывали двойные и тройные названия некоторых населенных пунктов. Благодаря точности описаний некоторых частей Московского государства можно восстановить примерное расположение уже исчезнувших волостей, смещенных границ и т. д. Многие, в настоящее время не существующие, поселения распознаются благодаря писцовым книгам, фиксируется их местоположение. Благодаря закрепившимся в названиях именам боярских и княжеских родов, восстанавливаются территории старинных вотчин¹⁶. Сведения писцовых книг, при наличии более ранних источников, определяющих лишь в общем плане московскую территорию, были бы исчерпывающими. Однако к нашему времени уцелело лишь небольшое количество писцовых книг, описывающих только некоторые станы и волости Московского края (коломенские земли, центр Московского уезда, Звенигородский, Рузский уезды)¹⁷.

Очевидно, писцовыми описаниями были затронуты все московские земли, однако многие из важнейших для нас источников информации исчезли, например, в результате пожара 3 мая 1626 г.¹⁸ Предпринятые позже новые описания отображали уже несколько иную картину территориальной организации Московского государства.

При всем многообразии актовых и иных источников, на территории Московского государства остаются «белые пятна». Есть районы (например, к югу от Москвы — по рекам Наре и Лопасне), в которых лишь условно очерчиваются упоминающиеся в ранних московских грамотах волости. Некоторые участки московской границы также намечаются условно по территориям, только начинавшим осваиваться в XIV в. Здесь нужно очень осторожно

пользоваться более поздними источниками, отражающими территориальное устройство совсем иного времени. Нельзя некритично переносить сведения XV—XVII вв. на реалии XIV, а тем более конца XIII в. Изменения в составе населения, территориальные сдвиги (освоение новых, запустение старых земель) делали несопоставимыми многие одноименные территориальные единицы. Необходимо, кроме того, помнить, что станы, в большинстве случаев перенявшие названия волостей, все же часто не соответствовали волостным пределам¹⁹. Так, неправомерно без необходимых

уточнений переносить намеченную писцовой книгой территорию, например, Сурожского стана конца XVI в. на область распространения Сурожской волости XIV в. Однако, если изменения в составе Сурожика удастся проследить по источникам, то по отношению ко многим другим волостям Московского княжества того же сделать нельзя. Приходится с некоторыми обобщениями заимствовать существующие данные XV—XVII вв.

Полного, четкого представления о границах территориальных образований Московского государства даже по материалам XVI—XVII вв. достичь не удастся. Не редкостью в описаниях XVI в. была принадлежность некоторых местностей сразу к двум или даже трем уездам, переход их из одного стана в другой, путаница и чересполосица владений²⁰. По сути, границы волостей и станов, а зачастую и уездов, не были точно определены даже в XVI, а то и в XVII в.²¹

В исторической географии используются непривычные для обычного историка источники, а именно: списки населенных мест, каталоги рек и озер и другие справочные издания, вплоть до современного времени²². Без подобного рода источников практически невозможна правильная локализация перечисленных в материалах XIV—XVII вв. населенных пунктов, местностей, рек, озер и т. д. К неполным и искаженным данным XVIII—XIX вв. приходится обращаться, прежде всего, потому, что к настоящему времени многие поселения и даже реки, озера не сохранились. В то же время необходимо с осторожностью подходить к использованию приема лингвистического соответствия, так как тождественность названий поселений, скажем, XIV в. и XVIII—XIX вв., не всегда свидетельствует об их идентичности.

Еще одним источником, без которого нельзя обойтись при изучении территории Московского княжества, является картографический материал. Несмотря на ненаучную основу составления многих карт XVIII — первой половины XIX в., другие их недостатки (пропуски населенных пунктов, искажения названий)²³, географические карты того времени предоставляют некоторые сведения, недоступные современным картам. Многие исчезнувшие поселения, озера, реки, названия оврагов, урочищ, передаваемые старыми картами (особенно важны карты Генерального межевания второй половины XVIII в.), позволяют с большей основательностью проанализировать источники XIV—XVII вв.

Совокупность рассмотренных источников является надежной основой для локализации большинства географических объектов, указанных в источниках и позволяющих определить территорию Московского княжества в начальный период его развития. По словам В. А. Кучкина: «Локализации —

необходимейший элемент всяких исследований по исторической географии»²⁴. Несомненно, локализация географических объектов является основной составляющей в исследовании территории древнего Московского княжества. Без нее невозможно составить представление о протяженности московских владений, их территориальном делении и, наконец, о московских границах.

Локализация территории Московского княжества конца XIII — первой половины XIV в. сопряжена с рядом трудностей. Главной среди них остается некоторая ограниченность источниковой базы. Впрочем, эта ограниченность свойственна не всем районам Московского княжества. Так, если в юго-западном направлении от Москвы мы встречаем очень мало географических ориентиров, то по материалу, собранному в землях вокруг Радонежа (к северо-востоку от Москвы), можно делать широкие обобщения о развитии феодального землевладения в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. В итоге неизбежным оказывается очень подробное описание одних районов Московского княжества и схематичное, условное описание других районов.

Итак, характеристика источников, позволяющих исследовать территорию Московского княжества на ранних этапах его существования, показывает, насколько это сложная проблема, подходить к решению которой нужно разными путями, стремясь к полному, комплексному использованию всех имеющихся данных.

¹ Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895. С. 67, 69, 71—72, 75. Текст грамоты см.: Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. I. СПб., 1846. С. 5—6; Владимирский-Буданов М. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 1. Киев, 1876. С. 223—224; Голубовский П. В. Указ. соч. С. 255—256; Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 141—145.

² Романов Б. А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма (По поводу работ Н. Н. Воронина и С. Б. Веселовского) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.; Л., 1960. С. 345—355; Цветаев Д. В. Великий князь Олег Рязанский и его жалованная грамота Ольгову монастырю // Сборник Московского архива министерства юстиции. Т. 1. С. 1. М., 1913. С. 1—63.

³ См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 45.

⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 9. М., 2000. С. 172.

⁵ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 208—211; Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965. С. 88, 277—280.

⁶ Кучкин В. А. Указ. соч. С. 46—47. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Вып. 1. М., 1965. Стб. 89 (Хвольха, видимо, Холохольня), 94 (Перемышль), 132 ([В]охна).

⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. № 1—5, 7—8. С. 7—20, 23—25.

⁸ Чернов С. З. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII—XV вв. и происхождение волостной общины // Советская археология. № 1. 1991. С. 128. Текст см.: Тихонравов Н. С. Древние жития препод. Сергия Радонежского. М., 1982; Житие Сергия, списанное Епифанием // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV в. М., 1981. С. 256—430.

⁹ Кучкин В. А. Указ. соч. С. 48.

¹⁰ Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV — XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 125, 128—129.

¹¹ Неправильно указано местоположение Тарусицкого и Ренинского станов (Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937. С. 574 и карта).

¹² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.

¹³ В исключительных случаях намечались границы между разделяемыми территориальными единицами (волость Щитов) (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. № 17. С. 46).

¹⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. № 93—97. С. 371—406; Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. I. М., 1951. № 217. С. 191—192.

¹⁵ Мерзон А. У. Писцовые и переписные книги XV—XVII вв. М., 1956. С. 4—10. Так называемый «дозор» был осуществлен в первых десятилетиях XVII в. с целью выявления масштабов опустошения, произведенного Смутным временем. Готье Ю. А. Указ. соч. С. 6.

¹⁶ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 60—65, 230—233, 264—269, 402—413.

¹⁷ Писцовые книги Московского государства. Ч. I. Отделение II. СПб., 1877.

¹⁸ Готье Ю. А. Указ. соч. С. 7.

¹⁹ Готье Ю. А. Указ. соч. С. 96; Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 84.

²⁰ Готье Ю. А. Указ. соч. С. 109.

²¹ Там же. С. 109—110.

²² Московская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1862; Здановский И. А. Каталог рек и озер Московской губернии. М., 1926; Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер). М., 1976.

²³ Кучкин В. А. Указ. соч. С. 52—53.

²⁴ Там же. С. 53.